

Коммуникативная функция урока

Олег ЕГОРОВ, кандидат филологических наук

Как бы мы ни стремились сегодня к инновационным формам занятий в школе (школа-парк, школа Монтессори и т.д.), для массового российского образования по-прежнему основной формой организации занятий остаётся урок. И по-прежнему от качества урока во многом зависит уровень знаний учеников и в целом — качество образования. Поэтому проблемы совершенствования урока находятся постоянно в центре внимания и учителя, и руководителей школ. Журнал «НО» систематически поднимает их на своих страницах (см. статьи «Космическое пространство урока», «Возможности урока безграничны» и др.).

Статья, которую мы вам предлагаем, раскрывает ещё один аспект урока, о котором мы говорим очень редко. И зря. Коммуникативное богатство урока, культура общения учителя с классом — во многом залог успешной профессиональной деятельности педагога. Мы уже начинаем это осознавать, и подтверждение тому — аттестационные требования к коммуникативной культуре учителя (чего прежде просто не было).

Но в последние годы эта сфера профессиональной деятельности педагога, где каждый проявляет безграничное творчество, оказалась под угрозой со стороны... пришедшего в класс компьютера. В прогрессе, как и в любом явлении, есть свои издержки.

Автор статьи увидел эту тенденцию и высказал вполне справедливую, на наш взгляд, тревогу по этому поводу. Прочтите, пожалуйста, его статью. Мы будем очень рады, если руководители школ, методисты и учителя поделятся своими размышлениями о проблеме, подскажут пути её решения. К сожалению, как всегда, молчат пока учёные РАО. А кому, как не им первым увидеть эту опасность, грозящую коммуникативной функции учителя и урока, а в итоге — детям, их здоровью, и предложить школе научно обоснованное решение?

В школьном уроке принято выделять три функции: обучающую (образовательную), воспитательную и развивающую. Первая обеспечивает получение суммы знаний, вторая формирует образ поведения, третья — навыки самостоятельного мышления. Из этой группы зачастую выпадает четвёртая — коммуникативная функция, имеющая важное значение. Её считают подчинённой и отказывают в самостоятельности. Однако динамика современного образования показывает, что её недооценка педагогически ущербна.

Упрощённое понимание роли коммуникативной функции заключается в том, что в ней видят прежде всего средство: общение способствует пониманию, доверию и не является самоцелью. Но ведь от культуры, богатства общения во многом зависит эффективность усвоения знаний, психологическое состояние учеников, влияющее и на конечный результат образовательного процесса.

Роль и значение коммуникативной функции менялись вместе с развитием общества. Исключительное место занимало общение в античном мире, где оно было и средством, и целью образования. С появлением печатной книги его роль несколько снизилась, а эра компьютерных технологий, кажется, навсегда низвела коммуникативную функцию до служебно-операционной. Появление компьютера как нового передатчика информации перераспределило функциональное значение всех компонентов урока, но более всего — коммуникативного: естественный язык заменили на «языки» программирования. При этом у школьников ослабевают навыки монолога и устной беседы, активно формируются структуры речи на основе книжно-электронных «языков» и стилей, где слово превращается в знак. Естественный язык — это тоже знак, но в нём сохраняется выразительно-изобразительное, эмоциональное начало, в то время как искусственные языки жёстко ориентированы на информативность. Из

языка программирования исчезают все индивидуально-субъективные особенности «передатчика» знаний, свойственные его естественному языку. В структуре самой коммуникативной функции тоже происходят существенные изменения. Два её составных компонента — монолог и диалог (устная беседа), — между которыми всегда существовало устойчивое равновесие, стремительно теряют свой удельный вес в системе урока.

Но больше всего потерь в новых условиях несёт монологическая речь: ученики не могут усвоить навыки монологического высказывания, свободно изъясняться, вести спор. И это даже при хорошей теоретической подготовке по отдельным предметам.

Но можем ли мы считать образование законченным, если учащийся не может самостоятельно изложить полученные знания. Успешная индивидуализация (самоосуществление) подростка также невозможна без овладения монологом, как внешним, так и внутренним, что сказывается на интеллектуальном развитии. Результат успешного обучения находит подтверждение в поговорке: кто ясно мыслит, тот ясно излагает.

Ослабление монологической составляющей коммуникативной функции стремятся компенсировать усилением роли «диалога» с компьютером. Однако у этого явления два негативных фактора. Во-первых, перенесение диалога из сферы устного общения ученика и учителя в поле электронных коммуникаций лишило его прежнего воспитывающего характера: при компьютерном диалоге происходит всего лишь элементарное считывание информации. Под воспитанием здесь подразумевается не исключительно нравственная, а более широкая — культурно-просветительская область. Во-вторых, электронный диалог приобрёл особую значимость в так называемых инновационных школах (лицеях, гимназиях, школах с углублённым изучением предметов), где традиционный урок нередко заменён лекционно-семинарской системой организации занятий. Школьный семинар, основанный на вопросно-ответном методе, размыл форму монологического ответа и приблизил диалог к компьютерной информативности. Конечно, в этой области многое зависит от личности учителя, его общей культуры, профессионализма, таланта. Но сама форма беседы на таком семинарском занятии ставит педагога в жёсткие структурные рамки, не позволяющие эффективно использовать монологическую речь школьников.

Нельзя цивилизованно вести диалог, не обладая навыками убеждения собеседника, аргументацией. А эти навыки вырабатываются только овладением монологических высказываний. Монологическая речь — более сложная форма общения, чем диалог. Построить логически и синтаксически грамотно цельное высказывание способен далеко не каждый, так как это природный дар. Но научить монологу можно, и это длительный, педагогически сложный процесс.

В школе недавнего прошлого любой урок выполнял эту функцию. Систематическое изложение учителем материала требовало и от ученика в его ответе воспроизведения структуры монологического высказывания. Многократно повторяясь, эта форма откладывалась в сознании, активно использовалась в других языковых и жизненных ситуациях.

Учителя давно заметили негативные тенденции в развитии коммуникативной функции современного урока. Именно поэтому, со второй половины 1980-х годов в учебные планы школ стали активно включать риторiku. Как учебный предмет она в какой-то мере способна заменить обучение монологической речи на уроке средствами самой речи. Но её недостаток в том, что она сознательно моделирует ситуацию и направляет обучающегося в искусственное поле говорения, выход из которого не гарантирует, что ученик сможет перенести приобретённые навыки в нестандартную ситуацию.

Какой заслон можно поставить на пути негативных тенденций в структуре урока? Сколько бы мы ни говорили о том, что машина в общении не может заменить человека, а в обучении — слово учителя, современная цивилизация семимильными шагами идёт к этому. Парадоксально, но факт: решение проблемы наметилось в методических поисках преподавателей иностранного языка. Получившая широкое распространение у нас и за рубежом коммуникативная методика способствует овладению учащимися навыками разговорной речи. Это обеспечивается за счёт усвоения различных видов монологической речи, типовых диалогов,

форм языкового моделирования. Здесь, как и на любом обычном уроке, на первом плане находится конкретная языковая модель. Основной единицей урока и всей стратегии обучения по этой методике является акт говорения.

В области методики русского языка следует назвать речевую методическую систему Л.П. Федоренко, которая стала внедряться в вузовскую и школьную практику ещё в начале 1970-х годов. В отличие от традиционной академической (грамматической) методики, основанной на обучении языку при помощи науки о языке, методика Л.П. Федоренко опирается на саму речь в процессе обучения языковым навыкам. К сожалению, она не получила широкого признания даже в этой узкоспециальной педагогической области.

Как бы мы сегодня ни относились к идеалам прошлого, — с иронией или пренебрежением, — фактом является то, что коммуникативно-языковая культура дикторов средств массовой информации была у нас на высоте, не сопоставимой не только с уровнем современных преемников ветеранов наших СМИ, но и их западных коллег. Большинство комментаторов имели театральное образование или прошли дополнительную специальную подготовку артистического характера (к примеру, спортивный комментатор Николай Озеров — бывший актёр МХАТа). Естественно, что и школа зеркально отражала эту общегосударственную тенденцию. С отказом от многих принципов советской школы оказались ослабленными не только нравственно-воспитательные устои системы образования, но и ценностный смысл коммуникативной функции.

В дружном хоре голосов, спорящих о концепции школы и направленности образования, громче всех звучат те, которые стоят за лично-ориентированную педагогику. Однако это понятие настолько расплывчато, что его можно трактовать и с точки зрения западной прагматической философии, на чём настаивают «реформаторские» силы у нас, и с позиций абстрактного гуманизма, что было свойственно перестроечной «весне» в развитии нашего общества. Как известно, ни ту, ни другую модель в нашей стране не удалось внедрить в силу глубоких национальных традиций и неспособности образовательного ведомства к созданию широкомасштабных, реалистических и подкреплённых материально проектов.

Навязываемая нам западническая модель, вызывающая глухое недовольство значительной части педагогической общественности, в свете рассматриваемой проблемы имеет коренной изъян, который, впрочем, западное общество с его социальным заказом так не оценивает. Западная сциентистски ориентированная философия, позитивистская наука и прагматическая идеология требуют от школы именно такую коммуникативную модель, которая служила бы лишь каналом передачи знаний и не несла никакой дополнительной нагрузки. Для реализации этой цели компьютер является идеальным средством. В эпоху всеобщей компьютеризации роль школьного учителя сводится к функции управленца, менеджера образовательного процесса, а основная коммуникативная роль отводится машине. Как ни крути, а «лично-ориентированная» педагогика оказывается в таких условиях нацеленной не на «общечеловеческие ценности», не на российские ценности — соборность, коллективизм, — а на прагматический индивидуализм.

Конечно, было бы нелепо противиться техническому прогрессу и бороться с проникновением компьютера во все сферы нашей жизни. Речь идёт о том, **какая образовательная модель будет принята нашей школой и какое место в ней будет отведено «электронному» обучению.**

Вместе с утратой коммуникативной функции её традиционного смысла происходят и серьёзные изменения психологического характера. В системе образования коммуникативное богатство урока, общение с учителем всегда были средством формирования сознания или, как говорят психологи, орудием я-сознания. Превращаясь в голый передатчик содержаний, электронные языки перестают быть рычагами управления сознательными процессами. Мало того, «виртуальная реальность», которой они открывают путь, имеет дело с той частью психики человека, которая относится к области бессознательного. **Замена обычного общения компьютерной системой коммуникации формирует бессознательную установку личности.** Многие компьютерные игры, которыми увлекаются школьники, являются отдалёнными

аналогами архитипических содержаний психики. Неудивительно, что в результате распространяющегося увлечения компьютерным моделированием получают развитие «электронные» болезни, этот СПИД XXI века. **Прокладывая путь в неконтролируемую сферу бессознательного, деформированная коммуникативная функция создаёт ущербную личность, не способную к самовоспитанию, к самосовершенствованию и слабо подверженную сознательному воздействию извне.** Эта новая пагубная роль коммуникативной функции с компьютером до сих пор глубоко не осмыслена педагогической психологией, хотя есть уже немало случаев, когда людей, в том числе и школьников, приходилось средствами психотерапии выводить из виртуально-бессознательного состояния.

Современная концепция образования, которая разрабатывается чиновно-научно-педагогическими верхами, обязательно должна учитывать те изменения и негативные тенденции, которые давно наметились в области. Сегодня мы не можем предвидеть всех отрицательных последствий чисто психологического характера, которые ожидают образование в том случае, если не будут найдены средства по сохранению и восстановлению традиционной значимости коммуникативной функции школьного урока и общения ученика с компетентным взрослым.